

*Е. И. Нестерова**

Христианизация китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве в конце XIX – начале XX вв.: постановка проблемы

В отечественной историографии прослеживается устойчивый интерес к теме «Китай и православие». В рамках данной темы наиболее полно изучены два сюжета: история Русской Духовной миссии в Пекине; православная церковь и эмиграция в Китае. Меньше внимания уделяется деятельности православной церкви, связанной с евангелизацией и христианизацией китайцев в России. Это обусловлено рядом факторов, среди которых наиболее значимыми являются слабая источниковая база, не позволяющая полноценно раскрыть заявленную тему, а также характер китайской миграции в Россию.

Адекватное восприятие основ православия во многом зависит от исходного духовного опыта, в значительной степени сформировавшегося традиционными религиозными представлениями. Точное определение конфессиональной принадлежности китайцев, находившихся в России, довольно затруднительно в связи с существовавшим в Китае религиозным синкретизмом. В целом можно говорить о сложном комплексе народных верований, включавших буддийскую, даосскую, народную мифологию, а также героев конфуцианского культа. Благодаря И. Надарову, мы располагаем списком богов, почитавшихся китайцами в Уссурийском крае, «изображения которых обязательно находятся во всяком бурхане» [1; 11]. Несмотря на не совсем корректное транскрибирование китайских иероглифов, возможно атрибутировать большую часть списка. Анализ функций упомянутых в нем богов, позволяет констатировать, что китайцы, пришедшие в Уссурийский край, поклонялись наиболее почитаемым на родине богам, в надежде, что они защитят их и на новой территории. В дикой малозаселенной местности непосредственно связаны с силами природы Лун-ван, Шань-жэнь, частично Лао-е. Остальные должны обеспечивать нормальное функ-

* *Елена Ивановна Нестерова* – к. и. н., доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

ционирование различных сторон социальной жизни, что отражало приоритет этики и социальной политики в идеологической структуре традиционного китайского общества. При этом обращает на себя внимание полное отсутствие в Приморье популярных в старом Китае покровителей, связанных с семьей – Гуань Инь, Чжан-сяня, приносящего сыновей, сонма богинь няннан, бога домашнего очага Цзао-вана. При отсутствии официального китайского гражданского управления Уссурийским краем, китайцы все равно оставались в иерархично простроенном китайском символическом властном пространстве. Для обслуживания своих религиозных потребностей рядом с жилыми фанзами китайцы строили культовые сооружения. В. К. Арсеньев отмечал, обычно «шагах в ста от фанзы, в стороне, ставится небольшая кумирня (Лао-е-мяо), всегда обращенная лицом к югу. В кумирне наклеены картины религиозного содержания». Иногда вместо картин, изображавших богов, ставились деревянные дощечки с надписями «Место обиталища духа деревьев», «Место обиталища духа реки», «Место обиталища духа земли» и т. д. [2; 75–76]. С. Максимов отмечал, что «на дверях юрты, на домике вроде часовни, ... на белом полотнище, которое заменяло в дощатой часовне бурханов...» размещались изречения Конфуция [3; 341].

В описаниях Южно-Уссурийского края середины XIX – начала XX вв. зафиксировано, что «кроме бурханов, обязательно имеющих при всякой китайской фанзе, на всех значительных перевалах через горы, на всех перекрестках и более менее выдающихся местах по течению рек, также стоят небольшие бурханы, которые в большинстве случаев представляют деревянный ящик, открытый с одной стороны, а внутри помещается изображение богов [1; 11]. Кроме подобных сооружений, расположенных вне русских населенных пунктов, в начале XX в. в крупных городах сооружаются китайские храмы.

Религиозные представления сезонных мигрантов и китайцев, проживавших в Уссурийском крае до его включения в состав России, в ходе пребывания их на русской территории не подвергались существенной трансформации. Это объясняется, с одной стороны, преобладанием институциональных и групповых взаимодействий между русскими и китайцами, и достаточно редкими межличностными социальными связями. С другой – отсутствием постоянной и целенаправленной миссионерской деятельности. Еще в 1863 г. начальник поста Владивосток Е. С. Бурачек предлагал «вызвать из Пекина албазинца Никиту, в качестве переводчика и миссионера», который «свободно владеет и русскими и китайскими языками, знаком и с нашею литературою», кроме того, «православное богословие – постоянный предмет его знаний» [4; 125]. Однако это предложение реализовано не было. Тем не менее, единичные случаи принятия православия зафиксированы еще на ранних стадиях

взаимодействия. 23 марта 1868 г. во владивостокской Успенской церкви был крещен Фан-Катарзей [5; 715].

Увеличение численности китайцев в русских населенных пунктах, вовлечение их в экономическую жизнь, более близкое знакомство с укладом русской жизни, приводит к тому, что в XX в. число китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве, принявших православие, исчисляется десятками. Такой вид исторического источника как прошения китайцев о принятии в российское подданство дают возможность приступить к более детальному исследованию. На сегодняшний день проанализированы 87 текстов прошений [6] о принятии в подданство Российской империи китайских подданных в период с 1876 г. по 1900 г., и 83 заявления [7] периода с 1913 по 1916 гг., адресованных приамурскому генерал-губернатору, военным губернаторам Приморской и Амурской областей. Безусловно, эта цифра может быть увеличена.

Обращает внимание, что наиболее часто встречающаяся причина принятия решения об изменении подданства – обращение в православие. Из общего числа просителей первого периода 46 человек (53 %) указали, что они православные. Большинство приняло православие в течение первых десяти лет пребывания в России. Просители второго периода являлись в абсолютном большинстве православными, либо готовились к его принятию.

Причем, если в XX в. на эту причину указывали как на нейтральную, то в XIX в. зачастую открыто писали о том, что после этого события на родине ждут преследования и жизнь в прежней семье станет невозможной. Хотя статья 8 Тяньцзинского договора (1858 г.) обязывала китайское правительство не только «не преследовать своих подданных за исполнение обязанностей христианской веры, но и покровительствовать им наравне с теми, которые следуют другим допущенным в государстве верованиям», но, как отмечал советский исследователь Кабанов, принятие православия в XIX в. в глазах китайского начальства было равносильно принятию русского подданства [8; 235].

Из прошения О Чей Цуна, принявшего православие 13 марта 1881 г.: «...опасаясь после Крещения возвратиться в пределы Дайцинской империи вследствие могущих быть преследований со стороны родственников и правительства, я прожил один год в Чите, а потом уже долгое время в ст. Рейновой Албазинского станичного округа Амурской области» [9; 38].

В свидетельствах о крещении иногда отмечалась прежняя конфессиональная принадлежность – язычник, ламаист, буддист, конфуцианец. Однако как отмечалось выше, в Китае существовал религиозный синкретизм. Поэтому, какую бы религию не исповедовал человек, все же культ предков был одним из системообразующих элементов картины мира. Ряд исследователей именно с

этим связывают трудность христианизации китайцев. Человек с рождения оказывался включенным в некую человеческую общность: большую семью, род, клан и ощущал себя ее частью. Его «ближние» – ныне здравствующие, еще не рожденные и уже умершие – составляли тело рода. Со всеми просьбами обращались к предкам, каждая семья поклонялась собственным предкам. Мертвые заботились о живых, а живые о мертвых, и оба эти мира находились в постоянном общении. В. Смит удачно пошутил, что китаец становится более значимым и уважаемым не при жизни, а после смерти, когда он становится предком, и ему воздаются всевозможные почести. Первый вопрос, почти всегда задававшийся китайцем миссионеру: «если я сделаюсь христианином и умру, соединюсь ли я тогда с моими предками?» [10; 8].

Другим немаловажным результатом крещения являлась смена имени – «прежний человек» символически умирал и появлялся новый. Однако именно фамилия семьи была краеугольным камнем социальной стратификации в Китае. В связи с этим в китайской культуре родовое имя было священным понятием: фамильные знаки (син) традиционно символизировали непрерывность родства и олицетворяли бессмертие рода на уровне семьи. Таким образом, принадлежность к семье являлась фундаментальным качеством – она обеспечивала включение в цепь смертей и рождений, определявших место человека в потоке бытия, здесь реализовывались ценности, которые придавали смысл жизни.

Для прошений, поданных в XIX в., характерна, за редким исключением, утрата китайской фамилии при принятии православия и российского подданства. Крестившийся получал русскую, которая давалась по восприемнику (крестному отцу), отчество также, как правило, присваивали по восприемнику, а имя по святым. В XX в. ситуация изменяется – получая русские имя и отчество, абсолютное большинство сохраняло китайские фамилии. Среди крестных встречаются люди разных сословий – дворяне, казаки, крестьяне, купцы, священники, однако наибольшее число купцов и священников. Наиболее трудным для анализа является вопрос о том, насколько искренним было принятие православия. Пока определенные выводы делать рано, требуется привлечение разнообразных источников, кропотливая работа по отслеживанию судеб православных китайцев. Судя по документам, сложным этот вопрос был и для священников. Из прошения СяУ (П. В. Черепанова) (1892 г.), прожившего 7 лет в России: «Во все время нахождения моего у русских людей я постоянно имел желание принять православие и несколько раз обращался с просьбою к священникам, чтобы меня крестили, но они уклонялись от этого под предлогом истинно ли я желаю быть христианином» [11; 168]. Единичные же факты из жизни православных китайцев могут служить иллюстрацией противо-

положных позиций. Так, викарием Никандром категорически было отказано в православной панихиде по известному на Дальнем Востоке православному китайцу купцу Н. И. Тифонтаю, потому что, несмотря на принятие христианства, крещение его детей, занятия благотворительностью, «покойный», по мнению священника, «до конца своей жизни остался верным конфуцианцем» [12; 5].

Однако есть факты, свидетельствующие о том, что китайцы принявшие православие, не только исправно посещали церковь, регулярно исповедовались, но и стремились к получению сана. Так, китаец Жен жин (в крещении Константин Буинеев) в прошении о принятии в подданство (1892 г.) отмечал, что «после многих лет проведенных в ламских школах, я сердечно увлекся Святой верой, решился навсегда расстаться с язычеством, родиной, родителями и всеми прелестями буддийскими, взял билет через пограничное консульство, перешел границу в 1880 г. и прибег к Святой Православной Церкви, принял Святое Крещение от Нерчинско-Заводского протоирея Алексея Малкова». Спустя 3 года он написал повторное прошение, мотивируя свой поступок желанием «посвятить себя на служение Господу при одном из монастырей Сибири» [13; 112, 120 об.].

Литература

1. Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. – Владивосток, 1884. – 40 с.
2. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. – Владивосток, 1914.
3. Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861). Дорожные заметки и воспоминания. – СПб., 1864. – 588 с.
4. Бурачек Е. С. Воспоминания заамурского моряка. – Владивосток, 1999. – 242 с.
5. Петров А. И. История китайцев в России. 1856–1917 гг. – СПб. : Береста, 2003. – 960 с.
6. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 94, 283, 381, Ф. 704, оп. 1, д. 584, 586, 594, 607, 609, 611, 613, 615, 638, 640, 641, 642, 676, 677, 678, 698, 699, 732, 733, 751, 765, 767, 814, 815, оп. 4, д. 386, д. 528.
7. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 12, д. 754, Ф. 702, оп. 1, д. 381, Ф. 704, оп. 1, д. 644, 668, 859, 1008, 1076, 1078, 1094.
8. Кабанов П. П. Амурский вопрос. – Благовещенск : Амурское кн. изд-во, 1959. – 255 с.
9. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 1, д. 609.
10. Смит В. М. Характеристики китайцев. – Владивосток, 1916. – 163 с.
11. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 52.
12. Приамурская жизнь. – 1910. – № 258.
13. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 1, д. 767.